

Марджери Уильямс Плюшевый Кролик, или Как игрушки становятся настоящими

Жил однажды Плюшевый Кролик, и когда он был новехонький, то выглядел поистине великолепно. Он был упитанным и пушистым, как и положено кролику; его шубка была покрыта коричневыми и белыми пятнышками, усы были из ниточек, а ушки — из розового сатина. Рождественским утром, когда он восседал на горе подарков для Мальчика с веточкой остролиста в лапках, он был просто очарователен.

Были там и другие подарки: орехи, и апельсины, и игрушечная машинка, и миндаль в шоколаде, и заводная мышь, но Кролик был самым лучшим. По меньшей мере два часа Мальчик любил его без ума, но потом к обеду пожаловали его тети и дяди, и снова зашелестела подарочная бумага, открывались новые подарки, и в сладостном предвкушении Плюшевый Кролик был позабыт.

Долгое время он жил в шкафу с игрушками или на полу в детской комнате, и о нем никто не вспоминал. Он был от природы застенчив, и, поскольку был всего-навсего плюшевым, некоторые более дорогие игрушки относились к

нему презрительно. Механические игрушки с превосходством взирали на всех остальных; они были полны современных идей и притворялись, что они настоящие. Модель лодки, которая пережила уже два сезона и потеряла большую часть своей краски, переняла их манеры и никогда не упускала возможности вернуть какой-нибудь технический термин. Кролик же никого из себя не изображал, поскольку он не знал, что существуют настоящие кролики; он думал, что все они набиты такими же опилками, как он сам, и он понял, что опилки — нечто устаревшее, не достойное упоминания в таком современном обществе.

Даже Тимоти, лев, собранный ветеранами из деревянных деталей, который должен был бы иметь более широкие взгляды, важничал и делал вид, будто связан с правительством. Среди них бедный Кролик неизбежно чувствовал себя незначительным и заурядным, и единственной, кто был с ним добр, была Кожаная Лошадка.

Кожаная Лошадка прожила в детской дольше, чем остальные. Она была настолько старой, что сквозь потертости были видны швы, а часть хвоста была выдернута, чтобы сделать ожерелье из бусин. Она была мудрой, ведь повидала множество заносчивых механических игрушек, которые рано или поздно ломались и выбрасывались, и знала, что они с Кроликом были единственными, кто не

сломается. Магия детской комнаты была прекрасной и непостижимой, и лишь такие старые, мудрые и опытные игрушки, как Кожаная Лошадка, были способны ее постичь.

— Что значит быть Настоящим? — спросил однажды Кролик, когда они лежали на полу возле корзины с игрушками, до того, как Няня их убрала. — Это значит иметь жужжащие штуки внутри и торчащие рычажки?

— Настоящим тебя делает не то, как ты сделан, — ответила Кожаная Лошадка, — а то, что с тобой происходит. Когда ребенок тебя любит долгое, долгое время, не просто играет с тобой, но по-настоящему любит, тогда ты становишься Настоящим.

— А это больно? — спросил Кролик.

— Иногда, — ответила Лошадка, ведь она всегда говорила только правду. — Но когда ты настоящий, иногда ты вовсе не против испытывать боль.

— Эта боль мгновенная, как от ранки, — допрашивался Кролик, — или же долгая, но по чуть-чуть?

— Не мгновенная, — ответила Лошадка. — Постепенная. На протяжении долгого времени. Именно поэтому Настоящими не становятся те, кто быстро ломается, или у кого много острых углов, или те, кто излишне хрупок. Вообще, к тому

времени, как ты становишься Настоящим, твоя шерсть потерта, глаза отрываются, ты потрепан и распадаешься на части. Но это уже не имеет значения, ведь как только ты становишься Настоящим, ты уже не сможешь быть уродливым, разве только для тех, кто не понимает.

— Выходит, ты Настоящая? — спросил Кролик и тут же пожалел, думая, что Лошадка может быть излишне чувствительной. Но Кожаная Лошадка только улыбнулась.

— Дядя Мальчика сделал меня Настоящей, — сказала она. — Это было много лет назад. Но как только ты становишься Настоящим, ты уже не можешь снова стать ненастоящим. Это навсегда.

Кролик вздохнул. Он думал о том, что пройдет немало времени, прежде чем такое чудо может случиться с ним. Он мечтал стать Настоящим, чтобы почувствовать, каково это, но мысль о том, что он станет потрепанным, а его усы и глаза выпадут, его очень огорчала. Он хотел стать Настоящим без всех этих неудобств.

В доме жила женщина, которую называли Няней, она руководила всем в детской. Порой она просто не замечала игрушек, которые были повсюду разбросаны, но порой, без всякой видимой причины, она налетала, словно ураган, и расталкивала игрушки по шкафам. Она называла это «уборкой», и все игрушки ее просто терпеть не

могли, особенно оловянные солдатики.

Однажды вечером, когда Мальчик уже готовился ко сну, он никак не мог найти фарфоровую собаку, с которой обычно спал. Няня в спешке решила, что уже слишком поздно для поисков фарфоровой собаки, так что она огляделась и увидела открытую дверцу шкафа с игрушками.

— Вот, — сказала она, — возьми своего старого Кролика. Он согодится, — она вытащила Кролика за ухо и вложила в объятия Мальчика.

Той ночью, и много ночей после этого, Плюшевый Кролик спал в кровати Мальчика. Сначала ему это показалось достаточно неудобным, потому что Мальчик то крепко его обнимал, то давил его, ворочаясь, то заталкивал его под подушку так, что тот едва мог дышать. К тому же Кролик скучал по лунному свету в детской, когда во всем доме царил тишина, и по его разговорам с Кожаной Лошадкой. Но вскоре ему это начало нравиться, ведь Мальчик с ним разговаривал и делал для него тоннели из одеяла, которые, по его словам, были похожи на норы, в которых жили настоящие кролики. Они вместе играли, шепчась, когда Няня уходила поужинать и оставляла ночник на полке камина. И когда Мальчик засыпал, Кролик прижимался к его маленькому теплому подбородку и мечтал, а Мальчик крепко обнимал его всю ночь.